

Ксения Букша
Манон, или Жизнь

«Автор»

Букша К. С.

Манон, или Жизнь / К. С. Букша — «Автор»,

Книга Ксении Букши – это авантюрный роман о таинственной красавице, производящей на мужчин неотразимое впечатление. Действие происходит в офисах, в машинах, в отелях, в лифтах, в сараях, в горах, в душах и в сознании мужчин, сгорающих в пламени обаяния таинственной Манон.

© Букша К. С.

© Автор

Содержание

ГЛАВА 1	5
Де Грие	5
Давид Блумберг	11
Стаут	15
Ричи Альбицци	21
Джек Нидердорфер	28
ГЛАВА 2	32
[Де Грие]	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ксения Букша

Манон или Жизнь

*Однажды в душный предгрозовый полдень
я забыл закрыть форточку,
и ко мне залетела черная дыра.*

Андрей Вознесенский. О

ГЛАВА 1

Де Грие

Поднимаюсь
На лифте на самую вершину
На самую вершину огромного здания
Корпорации RHQ, я выхожу из лифта на двадцатом
Этаже и вижу, как в окне, справа от моста, строится бизнес-центр,
А к нему прикреплен гигантский арбузно-полосатый рекламный щит:
«Аренда офисов», и башенный кран навис над бизнес-центром,
И машины грохочут по широкому проспекту, где размазано
Ветром яичное солнце, желтое, как одуванчики
На зеленых газонах, и паруса неба косо
Поднимаются над пивоварней
Над башнями и трубами
Промзоны

Прохожу по длинному коридору и попадаю в отдел кадров. Обычно я не спрашиваю у Эми, почему она сказала «да» или «нет». Но тут особый случай.

- Эми, почему вы выбрали Манон?
- Сами увидите.
- Я хочу быть подготовленным.

Фрау Эми сегодня в алой помаде и белых кудряшках. Пятьсот лучших причесок; красота ваших волос вовсе не зависит от их длины и густоты.

- Вундеркинд она, что ли?

– Ох, нет. Манон не вундеркинд. Но, знаете, она будет хорошим работником. Во-первых, она старательная, любопытная, во-вторых, от нее прямо веет... свежестью, живостью, – Эми улыбается при воспоминании о Манон. – Она совсем не стесняется, удивительно свободно себя чувствует.

- Да кого тут стесняться-то, – говорю.

Когда я сюда пришел, еще живы были ветераны восьмидесятых в пиджаках от Armani. А теперь кого бояться? Не меня же, старину Рэна де Грие, который хоть и ходит в пиджаке от Armani, но, в сущности, добрый малый. Если не хуже.

На собеседованиях я обычно занимаюсь своими делами, а вопросы задают Вике и Кнабе. После собеседований, независимо от их исхода, мы спускаемся на первый этаж и покупаем мороженое. Такая у нас сложилась смешная традиция. Мы заседаем тройкой, в которой роли

распределены раз навсегда. Вике (персиковое) – злой следователь, Кнабе (сливочное) – добрый, я (карамельное с орешками) – главный.

Ну вот. Значит, справа Вике, вооруженная брекетами и ручкой с золотым пером; слева Кнабе, подпирающий щеку ладонью; по центру – медитирующий де Грие.

К окнам липнут солнечные зайчики и тени тополиных листьев. В углу под потолком висит на железном кронштейне телевизор.

– Манон Рико, не так ли? – пронизательно говорит Вике, постукивая золотым пером по брекетам.

– Совершенно верно, – говорит Манон.

Тут я поднимаю голову и смотрю на Манон.

В этот миг мое сердце наносит грудной клетке первый чувствительный удар. Из тех ударов, после которых хочется приложить к груди клетчатый платочек или хотя бы ладонь.

Однако эта Манон – очень красивая девушка, – вот такое я делаю очевидное открытие.

Беру пульт телевизора, убираю звук.

– Так-так, Манон, – говорит Кнабе добродушно. – Расскажите мне о ваших успехах. Смелее. Не стесняйтесь.

В комнате очень прохладно, почти холодно. Кондиционер явно перестарался.

Кнабе спрашивает:

– Скажите, почему вы хотите у нас работать?

– Я хочу денег, – отвечает Манон.

– Денег. Отлично. Сколько?

– Я хочу зарабатывать пятьдесят тысяч евро в год *сейчас* и не менее миллиона евро в год – потом, – излагает Манон.

– Вы любите перемены или предпочитаете воспоминания?

– Какими предметами в школе вы интересовались больше всего?

– Ну, вас ведь обучили читать балансы, – подразумевает Кнабе.

– Вы ведь знаете, как оценивать компанию по ее имущественному положению, – предупреждает Вике.

– Ну конечно, – говорит Манон.

Утро медленно перетекает в день. Солнце входит в верхнюю треть. Манон берут, и теперь мы с ней на «ты».

– Герр де Грие будет твоим непосредственным начальником, – говорит Вике.

Я говорю:

– Можешь называть меня просто Рэн.

– А можно я буду называть вас просто Рэнди?

– Разумеется.

– Вы сидите с западной стороны нашего building?

– Да, с западной. Вечером солнце светит прямо в окна.

– Сколько лет вы работаете в этой компании?

– Двенадцать лет, из которых девять – в Нью-Йорке.

– Вы из Америки?

– Да, прямиком с Уолл-стрит.

– А вы партнер?

– О, нет.

– Ему остался один шаг до партнерства.

Манон поднимает брови. Как, только один шаг? Да, всего один шаг. Ловко придумано, герр де Грие. Вот-вот – и я партнер. Алле – гоп!

– И что же, вы собираетесь сделать этот шаг?
– Конечно, он собирается. Он уже, можно сказать, его делает, – поправляет Вике.
– А мне до этого надо сделать еще очень много шагов, так?
– Верно, тебе предстоит шагать и шагать, – подтверждает Вике.
Вике ошибается. Не стану я никаким партнером. Манон говорит:
– Я писала вам письма, но ваша почта идентифицировала меня как спам.
– Теперь де Грие – твой начальник, и ты сможешь связаться с ним в любое время дня и ночи, – говорит Вике.
– Связь в любое время, даже ночью! Это воодушевляет!
Я искоса озираю Манон, сказавшую это, – от прически до туфель, в резком белом свете ламп.

* * *

Сажу перед компьютером. Кладу скрюченные пальцы на клавиатуру, быстро-быстро печатаю какой-то бред. Потом стираю все одним ударом.

Телевизор раз в пятнадцать минут поет: *Blue skies... nothing but blue skies...*

Будет гроза.

– Прикинь, этот придурочный автомат у меня деньги зажрал.

– Ну, я тебя типа поздравляю.

– Пять евро зажрал и говорит «кофе нет».

– А какого хрена ты туда пять евро засунул?

– Дак он же берет пятеры.

– Иди засунь тысячу, вот увидишь, он тоже возьмет. Засунь тыщу, нажми на молоко. Ведро выдоишь.

– Шит. Я пить хочу.

Blue skies... nothing but blue skies... Жгучая печать телевизора на виске. Солнце нагрело стены, высушило землю в горшке с кактусом. *Blue skies... nothing but blue skies...*

– Манон, – говорю я, – мы идем обедать.

– О, да, – говорит Манон. – Обедать, да, Рэнди! Пойдем...

В эфире шумы и потрескивания, пересып песка. Цветы на подоконнике угрожающе воспрянули.

Мы входим в лифт. Теплый серый алюминий лоснится и сияет радугой. Зеркала подрагивают и отсвечивают.

Я расстегиваю на ней блузу и принимаюсь целовать, лизать, нежно перебирать и стискивать.

– Я не ангел, – говорю я, когда мы выходим из лифта. – Внутри руки у меня железяка. В аэропорту она всегда гремит.

Фонтан журчит рахат-лукумовой сладкой водицей. У стены растут припудренные пылью крапивы в тошнотворных солнечных пятнах. Дует свежий жаркий ветерок. В городе все остекленело от жары. Желтое небо начинает темнеть и выгибаться, тени текут вспять.

Blue skies... nothing but blue skies...

– Рэн, ты нам нужен не убегай, надо посоветоваться насчет Viveeeedii!

Ненавижу совещания. Компания Vivedii пятнадцатый год беспрерывно кого-нибудь поглощает, давится, поперхивается, но поглощает. Как чайка на морском берегу жрет огромный кусок какой-нибудь дохлятины.

– Зачем связываться сейчас с Vivedii? Что мы получаем? Транзакционные издержки и высокие риски. А что отдаем? Много денег отдаем.

– А давайте вообще не будем ни с кем связываться, и весь отдел облигаций на фиг уволим. Ненавижу совещания.

– Рэн, что с тобой, ты сегодня какой-то весь дерганный.

На заседаниях каждый то и дело что-нибудь говорит.

– Харт имеет в виду, что сейчас можно передохнуть и заняться другими вещами. Например, есть розничные пенсионные программы.

Примерно раз в семь минут наступает моя очередь открывать рот, поэтому все время приходится следить за разговором.

– И что мы рознице предложим? Государственные облигации?

Ненавижу розницу. Ненавижу государственные облигации.

Ненавижу читать балансы.

Люблю читать Сенеку.

– Они такие ликвидные.

Облигации Vivedii – это как старинная игра в «огонек», когда поджигают палочку и передают друг другу – у кого последняя протухнет. Третий директор подряд попадает в тюрьму за подделку балансов.

– Давайте попробуем.

– Мы уже пробовали.

– Давайте попробуем еще раз.

Я говорил, что будет дождь. Местный варварский климат мне, легионеру империи, хорошо известен. И вот пожалуйста: гроза идет с Висбадена. Новости: Trenitalia сменила поставщика. Bank Leu отказывается выдать имена клиентов, затребованных американской Комиссией по ценным бумагам и биржам.

– Рынок недвижимости Франции во втором квартале...

Тут раздается первый удар грома.

– Ну вот, как новости, так какие-то проблемы на сервере.

– Глючит и тормозит.

– Ему давно пора в отставку.

Манон стоит в дверях, широко распахнув глаза.

– А еще слияние с Лондоном затеяли.

– Ненавижу, когда техника глючит.

– Фригидная тварь.

– Что происходит-то вообще?

– Да сервер опять, какие-то проблемы.

– Бури, шумы в эфире.

– Банановые чипсы на терминал рассыпали.

Манон подходит к окну и с восторгом смотрит на ливень, который вдруг хлынул стеной.

– Не темни, Рэн, там что-то происходит, мы хотим знать, что там происходит.

– Там ничего не происходит, там просто какая-то опять техническая проблема, вы что, забыли, что ли, так уже было.

– Я обожаю тебя, маленькая сволочь, обожаю, только сделай побыстрее и погромче.

– Не так убыточно, как обидно.

За окном моросит дождь, но уже не темно. Странный желтый свет разливается по небу и по домам. Течет в оливковые сладковатые лужи.

– Привет, народ, у вас тоже?

– Мне уже клиенты звонят.

– Да расслабьтесь вы, – говорю. – Вике, где папка по Vivedii, по прошлогоднему выпуску?

- Сервер просрался?
- Сервер в порядке. А вот я – в жопе.

Захожу в туалет и плещу на лицо водой из-под крана.
Холодная вода заливает мне уши, ломит лоб. Я начинаю опасную жизнь.

Вике и Кнабе вытаскивают меня из туалета и добиваются моего внимания.

Кнабе говорит:

- Короче, Рэн, мы о подарке Эрику.
 - Ты знаешь, что Эрик любит эти штуки. Троглодитов.
 - Трилобитов.
 - Да, да, вот этих вот тараканов. Рэн, будет лучше, если ты сам поедешь сегодня и купишь... Мы тебя прикроем.
 - Прямо сейчас?
 - Можно позже. Просто сегодня ты мне их должен отдать, чтобы завтра получился сюрприз.
 - Открывает Эрик Харт коробочку, а там окаменелый таракан, – ухмыляется Кнабе. – Как у Гая Риччи в «Револьвере»: «Будет радость».
- Вике:
- Рэн?
 - Хорошо. Но за это я потребую от вас массу мелких услуг.

На дворе мокро. Солнце уже пробивается сквозь тучи. Плоское поле стоянки залито водой. Беру дворник в руку и сгоняю воду с лобового стекла машины.

Когда я вижу Манон, уже поздно что-либо предпринимать. Она распахивает дверцу и садится рядом.

- Клевая тачка, – говорит Манон. – Можно я поеду с тобой?
- Со мной? Хорошо, поехали. Только ни звука Эрику.
- А кто такой Эрик?
- Я имею в виду нашего генерального директора. У него день рождения, я еду покупать ему трилобитов в подарок.

Мы вырливаем со стоянки. Июньский вечер, на лавочке сидят подростки, солнце и небо, парк и трава, когда мы вырливаем со стоянки и едем по улице.

- Рэнди, – говорит Манон. – Слушай меня внимательно, Рэнди: мы с тобой сейчас уедем из этого города и больше никогда сюда не вернемся.

– Что ты имеешь в виду?

Ярко-синее небо блестит, будто грозы и не было. Мокрые улицы блестят. Солнце заходит. Закат разгорается на золотых медных тарелках, на трубах, в окнах Трианона. Белым огнем текут воды реки. Пробкой это, пожалуй, не назовешь, но и простором тоже. Мельтешение, гуща. Питательная среда.

– Что ты имеешь в виду?

Все, дальше ехать некуда. Впереди автострада.

– Ну, вперед, – подбадривает Манон.

Три, четыре:

Ты не застегнул ширинку,
не зашнуровал ботинки,
Ты не допил свой кофе, ты не
вышел из пары десятков сделок

ты не проверил почту и аську
там сообщение от твоей герлфройндин
оно мяукает
оно прыгает
оно хохочет и говорит:
«о-оу!»
Ты забыл на столе свою сумку
из нее
сыплется
всякаярунда
Ты вообще
ничего не
выключил
Ты вообще ни
скемнепопро
щался
Ты поехал покупать
шефу трилобитов
Ты поехал покупать
шефу трилобитов
а уехал навсегда
Не дождется шеф трилобитов твоих!
и пусть твоя аська мигает и хохочет,
и почта плывет черно-зеленой лентой,
и кофе остынет, прокиснет, засохнет,
и пусть зарастает все то, что было,
плавленным сырком!
плавленным сырком
пусть заволакивает —
уже никто его
не оплакивает,
а паттамушшта,
а паттамушшта
тебя не будет здесь
больше никогда!
никогда, никогда
никогда
больше!
Никогда, никогда,
никогда
Боль-
ше!
ты поехал покупать
шефу трилобитов,
а уехал навсегда!
а уехал навсегда!

Давид Блумберг

Давид Блумберг, начальник управления по надзору за законностью Европейской финансовой комиссии, сидит в кабинете своего психоаналитика и говорит:

– Я очень устал. Давно не видел мир в ярких красках. Мне цветные сны не снились уже бог весть сколько.

– Правой рукой пробовали?

Дело в том, что Блумберг – левша. Психоаналитик в прошлый раз посоветовал ему иногда применять правую руку, например, когда он чистит зубы, ест и пишет. Это раскрепощает мозг.

– Ай, – машет рукой Блумберг. – Какая правая рука, о чем вы. Мне работать надо.

– Ну, вы же сами понимаете, – говорит психоаналитик. – На что времени не хватает, то вам, значит, и не нужно.

– Это верно, – кивает Блумберг и задумывается. Смотрит за окно. Ему лет сорок пять-сорок шесть; невысокий, жилистый, лицо темное, решительное и злое, вокруг глаз круги. – Понимаете как. Мы четвертый год ходим вокруг да около. Вообще-то, даже шестой. Бумаг уже написали... Как «Замок» Кафки. Очень похоже иногда. Сатанею уже от нашей бюрократии. Такое развели... Главное, что это, похоже, ни к чему не приведет.

– Что вам удалось выяснить?

– Нам удалось выяснить, что имеет место шайка, которая влияет на европейский рынок облигаций. Факты налицо. Он есть, этот сговор. Все происходит у нас на глазах.

– Но вы не можете поймать их за руку?

– Мы не имеем права ловить никого за руку. Нам нужен хоть какой-то повод, чтобы начать следствие. Но мы можем до бесконечности собирать информацию. Меня это ужасно угнетает, – констатирует Блумберг. – Появляются всякие дурацкие мысли.

– Какие?

– Понимаете, это ведь, возможно, важнейшее дело моей жизни. То есть, я абсолютно уверен, что мы их поймаем, но... вы прочувствуйте: шесть лет напряженной работы без единого намека на результат. Это достаточно тяжело. Психологически, – признается Блумберг и замолкает.

– Так, так, так, – говорит психоаналитик, встает и мимо Блумберга проходит к окну. – А может быть, дело как раз именно в том, что вы слишком концентрируетесь на своем успехе? Успех не любит, когда его так зажимают. Нельзя все время, не сводя глаз, смотреть на конечную цель. Жизнь – намного шире, чем поимка шайки воров.

– Шайки крупных, наглых воров, которые думают, что им все позволено, – уточняет Блумберг.

– Ну да, ну да, – кивает психоаналитик. – И все же. Допустим, вы их не поймали. Допустим, стало ясно, что вы никогда их не поймаете. Что они взяли верх. Что? Жизнь кончена?

– Да, – говорит Блумберг, пожимая плечами.

– Вы – фанатик, – сообщает психоаналитик.

– Это верно, – соглашается Блумберг.

Психоаналитик думает.

– Вы их поймаете, – говорит он наконец. – И очень скоро. Знаете, почему я так решил?

– Почему? – напрягается Блумберг.

– По косвенным признакам. Вы ловите их уже шесть лет, а силы у вас начали кончаться только сейчас. Это значит, что понемногу наступает некий критический период, который требует больше энергии, чем раньше. Я прав?

Блумберг медлит с ответом.

– Ну, можете не отвечать. Я все понимаю, – говорит психоаналитик.

– Спасибо вам, – говорит Блумберг.

* * *

Давид Блумберг выходит из дома. Садится в машину.

Правой рукой поворачивает ключ зажигания и улыбается жене сквозь два стекла – лобовое и оконное. Оба стекла в радугах и каплях: прошла гроза.

Давид Блумберг выезжает слева от клумбы. А на клумбе растут синеглазки – так сын Блумберга, Рафаэль, называет незабудки.

Вороньи черные гнезда на развилке тополя.

Ближе к вершине – голубое небо.

В теплом влажном воздухе пахнет цветами и водой. Дорога, листья, ведро – все блестит после дождя.

Проезжая по знакомой улице, с одинаковыми кронами тополей по обочинам, Блумберг вдруг чувствует непонятное радостное возбуждение. Через семь-десять секунд мобильник разражается звоном.

– Алло? – говорит Блумберг, поворачивая на другую улицу и тормозя у светофора.

* * *

Все столпились у стола Блумберга и смотрят в распечатку. Лента свисает на пол.

– Вот это, – показывает пальцем один из сотрудников Блумберга, которого зовут Райнер. – Вот, – и подчеркивает оранжевым маркером.

Теперь всем, даже издали, ясно, что он имеет в виду.

– Я у нее спрашиваю: «Скажите, как такое могло случиться?» – продолжает Райнер. – Все сделки фиксирует процессинговый центр. Каждая операция – это две команды: упрощенно говоря, «деньги ушли» и «деньги пришли». Если деньги *не* пришли, по причине ли сбоя на сервере биржи, или по другой какой-нибудь, – вторая команда не проходит, и сделка даже не открывается.

– Но она открылась, – говорит Блумберг. – И даже закрылась. С прибылью.

– А вот и неизвестно! – возражает Райнер. – Вы посмотрите, какая была в тот момент цена!

Молодец Райнер, думает Блумберг.

– Если он закрыл сделку в шестнадцать часов пятьдесят пять минут двадцать секунд, то там должен был быть никакая не прибыль, а триста двадцать пунктов убытка! – говорит Райнер и выпрямляется.

И все остальные тоже выпрямляются. Лица такие: след взят.

– То есть, во время грозы кто-то брал и вручную подделывал историю депозита, – переспрашивает Блумберг. – И, закрыв сделку с прибылью, каким-то способом так переписывал ее историю, как будто сделка была закрыта несколько раньше – с убытком?

– Вике Рольф говорит, что это невозможно. Ведь все это парням из дилингового центра нужно было бы делать за считанные секунды. Угадать, когда закончится следующий сбой, потом, кроме того, на самом деле закрыть сделку с прибылью, да еще и успеть подкорректировать историю депозита в самой программе, что тоже практически нереально. К тому же никто из работников не имеет возможности вручную снимать или переводить деньги с клиентского счета.

– А как же они тогда это объясняют?

– Фрау Рольф сказала буквально следующее: «Они их потеряли. Никто не застрахован от убытков».

– Действительно, – соглашается Блумберг, – никто не застрахован...

Блумберг и Райнер подходят к окну. Блумберг пальцем отодвигает вниз полосу жалюзи и смотрит на улицу.

– А не рано мы влезаем туда? – говорит Райнер. – Напугаем без толку, труднее потом не будет? Ведь это, скорее всего, действительно просто случайность. И убыток они всем клиентам возместили.

– Посмотрим! – говорит Блумберг и поворачивается к Райнеру. – Главное, влезть туда, просто влезть для начала, понимаешь? По любому ерундовому поводу, даже если это ни к чему не приведет. Мы должны использовать любую возможность.

* * *

Ночью Давиду Блумбергу снится сон.

Ему снится, что Б-г наконец явился на Землю. Папа Римский выпустил буллу, в которой объявил второе пришествие; евреи же считают, что пришествие хоть и имеет место, но не второе, а первое.

В остальном никакого ажиотажа не наблюдается.

Он ходит по Земле, изредка творит чудеса. Пользуется общим уважением, хотя и без критики дело не обходится; есть и такие, кто объявляет на Него охоту – но Его охраняют, и до покушений дело не доходит.

Он высказывает свои мнения по разным насущным проблемам. Когда Его цитируют в прессе, текст печатается перечеркнутым, чтобы не оскорблять земным языком абсолютную истину.

Единственная загвоздка заключается в том, что Ему уже значительно больше тридцати трех лет. Конкретно – вдвое больше. Но, в конце концов, разве в цифрах дело?

В общем, жизнь продолжается. Все идет по-прежнему.

* * *

Эрик Хартконнер, глава корпорации RHQ, финансовый гений, вкладывающий в научные разработки, и высокие технологии, и университеты всей Европы, и премия Эрика Хартконнера (стоящая на ребре золотая пластина, которую в правом верхнем углу прошивает пунктирная игла – золото-серебро-золото-серебро)

Эрик Хартконнер, размещающий облигации даже самых захудалых должников, только платите —

Эрик Харт, физик по образованию, прилежный инвестор, законопослушный налогоплательщик, не удерживающийся, однако от смелых заявлений насчет роли государства в экономике, которая, конечно же, всегда слишком велика —

Эрик Харт, не предоставляющий почти никаких социальных гарантий, но дающий сотрудникам возможность заработать столько, сколько они хотят; и это правда, это не враки —

Эрик Харт и его отдел финансовой архитектуры, который многие называют отделом финансовой акробатики или финансовой акупунктуры, и который занимается сложением – умножением – делением – отъемом целых корпораций, и все законно, все никоим образом, все вне подозрения, спокойно, в ваших интересах —

Эрик Харт и глава отдела финансовой архитектуры, он же – по совместительству – куратор того самого дилингового центра, который куда-то дел вчера во время грозы деньги четырех клиентов (сбои на сервере биржи, и мы уже все возместили) – этот человек, полное имя которого Рэндл-Патрик де Грие.

Рэн де Грие, каким его знает бизнес-сообщество Европы, американец в костюме от Armani, преданный трудяга, предельно работоспособный, с Хартом уже двенадцать лет, слегка небритый, всегда корректный, сощурился, глаза, делает вид, что не заметил —

Рэн де Грие, интуиция, тонкий анализ —

Рэн де Грие, который, как говорят о нем, почти ничего не ест, и никто никогда не видел, чтобы он проявил, — чтобы он хоть бы что-нибудь проявил.

— Так вот, Давид, Рэн де Грие, оказывается, сбежал вчера с девицей, — докладывает Райнер радостно. — Представляешь?

— Нет, — честно признается Давид Блумберг, глядя на дорогу, и добавляет газку. — Не могу себе представить. С кем? Когда? Куда?

— Стажерка его же отдела, в тот же вечер, по направлению к Италии, — говорит Райнер. — Вот так!

— Ясно, — говорит Давид Блумберг. — Надо будет понять, каким образом мы можем законно вызвать его. Возможно, он понадобится нам раньше, чем через две недели.

* * *

Напротив, через улицу, на зеленой траве, турки жарят окорочка. Кое-что бесследно испаряется в атмосферу. Кое-что оседает на землю.

Блумберг-младший, Рафаэль Блумберг, сидит за столом, потупив глаза в тарелку.

— И все равно, ты не должен был так поступать, — говорит мать.

— Он к ней приставал, — угрюмо возражает Рафаэль. — Он ее грязно лапал. Это следовало прекратить.

— Он младше тебя на два года, — говорит Давид Блумберг. — Младших бить нельзя.

Рафаэль смотрит на отца с иронией.

— Эти чурки взрослеют гораздо быстрее, — говорит он.

— Прекрати! — говорит мать. — Это тут ни при чем.

— Да, как же, ни при чем. Живут на наши деньги. На пособия.

, — говорит Давид Блумберг, — я вынужден тебе сообщить, что ты порешь полную чушь. Во-первых, отец Али не живет на пособие, он отличный зубной врач. Во-вторых... национальность и вера тут вообще ни при чем, понимаешь?

— А что они чуть бабушку не взорвали, это тут тоже ни при чем?

— Рафаэль! Это не турки, это палестинцы! И там ведь, в сущности, война, а здесь, у нас, мир. Ты хочешь, чтобы у нас тоже была война? Этого ты добиваешься?

Рафаэль выдыхает через нос. Он крупный парень, похож на отца: резкие черты, глубоко посаженные темные глаза.

— Хорошо, — Рафаэль возвращается на исходные позиции. — Он лапал ее, я ему врезал. Вот и все.

Стаут

Стою в супермаркете и выбираю кусок говядины. Тут у меня звонит мобильник.

– Алло! – говорит в трубке мой старый приятель, Рэн де Грие. – Привет! Я тут у вас в М., проездом! Встретимся, выпьем пива вместе, давно не виделись?

– О! – радуюсь я. – Рэн, чувак, клево! Жду тебя с нетерпением!

– Только я буду с девушкой, – предуп-реждает Рэн.

– Вике, что ли?

– Да нет, не Вике.

– Тогда приходи прямо ко мне домой, я завтра, короче, отдыхаю, можно будет пойти потусоваться куда-нибудь.

Рэн теперь из нас троих самый большой человек. Он сейчас, в сущности, в головном офисе RHQ чуть ли не второй человек после Хартконнера. Неофициально как бы. Кнабе тоже с ним работает. Мы с де Грие и Кнабе в американском офисе RHQ вместе пахали, потом нас вместе в Европу перевели. Подтягивались на прогнутом турнике, над лужей, куда я однажды и свалился. Мы были как близнецы-тройняшки.

Только я год назад ушел из RHQ, а они до сих пор там. Не знаю, зря я ушел, или нет. Вообще, конечно, стремная контора в последнее время. Там такие бабки варятся. Половину всех «мусорных» размещений Европы делают. А де Грие там отвечает за использование всех этих бабок, за слияния и поглощения, плюс – за дилинговый центр. Мудрено у них это называется: отдел финансовой архитектуры, типа, компании разбираются и складываются, как кубики. Шутники их уже прозвали «отдел финансовой акробатики».

Есть люди, которые могут стать по жизни очень богатыми. Чрезвычайно влиятельными. Рэн де Грие – он именно такой. Хотя на вид не скажешь. Говорит тихо. Работает очень много. Обычный парень.

У него кликуха раньше была – Градус. Потому что de Grie – это почти что Degree. То есть, градус. Или степень. Но Градус прикольной.

Убираю мобилу в карман и перехожу к полкам с вином.

Это моя вечная уловка. На самом деле у полок с вином я выбираю ни фига не вино. Я вина, если хотите знать, вообще не пью, я пью пиво и крепкие напитки. А у полок с вином я выбираю девчонок. Девиц. У меня три хобби: жратва, бабы и макроэкономика. Тем более, де Грие будет с новой девчонкой.

Вот появляется красотуля с корзинкой. Которые с тележкой, я даже не трогаю: значит, семейные. А эта с корзинкой, и не торопится. Значит, будет пожива.

Делаю вид, что не могу выбрать бутылку.

– Вино какой страны ты предпочитаешь в это время суток? – говорю.

Этот прием почему-то на всех девиц действует безотказно.

– Ха-ха, – говорит девица. – Аргентинское. А ты?

– А я обожаю готовить.

– Ого, – говорит девица. – Впервые вижу мужчину, который любит готовить.

А я продолжаю:

– У меня даже есть блендер.

– Оу, – говорит девица и смеется.

– *Хочешь*, посмотрим, как он работает?

– *Хочу*, – отвечает она.

Да и все равно, что спрашивать на такой ответ. Мой личный рекорд – двенадцать минут от начала знакомства до оргазма.

Да, я, наверное, наркоман. Только наркотиком мне служит влюбленность. Я много чего в жизни перепробовал – от алкоголя до адреналина, но такого подсаживающего впрыска, как от ощущения того, что мне нравится женщина, не испытываю больше ни от чего.

Вот эта! Сейчас! Хочу!

И огонек в глазах, и последний столик бросаешь на гостиничную стойку, и без расчета.

А потом ты начинаешь разбираться в ней глубже... Хорошо если сразу все понимаешь и относишься просто – как к очередной попутчице на «ночной экспресс». Хуже, если отношения затягиваются надолго. Хуже – потому, что влюбленность проходит, а организм привык поддерживать в себе высокий уровень этого фермента. Становится физически плохо.

Едем ко мне домой. Я прикидываю: Рэн сказал, что приедет не раньше десяти, так что часа два у нас точно есть.

* * *

– Ну, а теперь давай познакомимся, – говорю и отпиваю вина. – Боже, что это такое?

В бутылке не вино, а какая-то смесь клюквенного сока с подсолнечным маслом. Девушка тоже морщится.

– Junk, – говорю я.

Мы выливаем жидкость в раковину. Разговор я веду чисто автоматически. Мне не до разговоров в последнее время.

– А почему тебя прозвали Стаут? – спрашивает Жанна (так ее зовут).

– Потому что я пиво люблю, – говорю я. – И еще, потому что я такой здоровый.

– Потому что у тебя такой здоровый чччленни, – говорит Жанна страшным шепотом. Она хочет сделать мне приятное.

И тут я слышу звонок.

– О, – говорю, – это мой приятель Рэн де Грие со своей девушкой.

Ташусь открывать.

И застываю, как соляной столп. Потому что это никакой не Рэн. На ступеньках лестницы сидит эта бестия Лина. Сидит себе, зажигает с бутылочкой пива, в наушничках, со старым плеером своим. Сидит себе, помахивает сигареткой. Ножонки составлены коленками вместе, пыльными босоножками врозь. Крашенные пряди падают на лицо, набеленное, с зачерненными глазами и красными губами, как у клоуна.

– Привет, Стаут, – индифферентно говорит Лина, выпячивает губу и смотрит на Жанну.

– Это кто?! – изумляется Жанна и показывает на Лину наманикюренным ноготком.

– Это Лина, моя подруга, – говорю я. – Лина, это Жанна.

– Твоя подруга... – хохочет Лина, подходит к Жанне и смотрит ей прямо в глаза. Взгляд у Лины бешеный. Жанна морщится от отвращения и отталкивает Лину.

– Ста-а-а-аут, – говорит Лина издевательски и вцепляется Жанне когтями в лицо.

Жанна визжит и вцепляется в Лину. Тарантино отдыхает.

– Хватит, – говорю я. – Брейк.

Я беру их за руки. Они пытаются вырваться, но я, черт возьми, не поддаюсь. Моя мама меня о таком не предупреждала. Думаю, что и папа не предупредил бы, если бы таковой имелся. Отделяю Лину от Жанны. Девчонки извиваются, держу их запястья.

– Слушайте, – говорю, – хватит размазывать дерьмо по стенкам, я не виноват, что сегодня вас двое, я не специально это подстроил, но мне кажется, что из этого может кое-что выйти.

* * *

И только еще часа через три, в полночь, когда обе девчонки уже дрыхнут на моем диване, а я выхожу из ванной с полотенцем вокруг чресел, раздается новый звонок в дверь, и теперь это уже действительно не кто иной как Рэн де Грие собственной персоной, похудевший и загорелый, как черт, а с ним, действительно, девчонка, и, действительно, не Вике.

Ух, ребята, и девчонка же с ним.

Бывает такая внешность, такая ослепительная, среднестатистическая красота, когда на бабе просто написано: «Меня родили на свет для того, чтобы все мужики падали, укладывались в штабеля, катали меня на кабриолете, и никто никогда не сможет меня бросить или там забыть». При такой внешности, к сожалению, лицо обычно бывает стервозное, а в глазах – беспросветная блядская тоска. Но у этой-то девочки, вы понимаете, в чем штука, еще ничего такого в глазах нет, потому что и еще опыта нет, потому что эта клубничка только-только с грядки, и авантюры ее еще по-честному увлекают. И вот в глазах у нее сплошное увлечение и чистый восторг.

Блин, какая девчонка, охренеть.

Бедный Рэн.

– Знакомся, – говорит Рэн. – Моя Манон. Мы путешествуем вдвоем.

– И далеко собрались?

– Мы далеко собрались? – мурлычет Рэн, наклоняясь к ее ушку.

– В Италию, – говорит Манон.

– Сам-то как? – говорит Рэн.

– Отлично, – отвечаю на автопилоте. – Ох, Рэн, да это же ты. Короче, хреново. Валить надо обратно в Америку.

– Да ну? – Рэн сдвигает брови. – Это почему?

– Не нравятся мне местные нравы. Коммунизм какой-то построили, пока меня не было. Только средства осваивать умеют. «А давайте размещать городские облигации».

– Точно, – говорит Рэн. – У нас то же самое. Городские облигации.

– У вас-то как раз, – говорю, – жаловаться не на что. Такие бабки варите.

Де Грие морщится. Так, понятно, работу не будем трогать.

– Давайте, – говорю, – нажремся. Сдвинем стаканы, товарищи. Манон, тебе наливать?

Манон негромко и понимающе смеется. Славная девчонка.

– Манон, тебе же пить еще нельзя, – говорю. – Лет-то тебе сколько?

– У женщин этого не спрашивают, – возражает Манон кокетливо.

– Она бизнес-школу закончила, – говорит Рэн. – Мы ее на стажировку взяли. В мой отдел.

– Да ладно, – я не верю. – Манон, бескупонные облигации – это какие?

– Дисконтные, кажется, – говорит Манон и улыбается обаятельно. – Но вообще-то я, честно говоря, не очень разбираюсь во всем этом.

– Ничего, – говорю, – разберешься. Ты умная и красивая!

– Ай, ладно, – говорит Манон, смеется, подносит рюмку к губам и отпивает пять миллилитров.

Мы тоже пьем.

– Ты зря думаешь, что в RHQ так круто, – говорит Рэн. – Завидовать-то особенно нечему. Один и тот же круг клиентов, – он выразительно смотрит на меня. – Чем дальше, тем мне меньше все это нравится.

– А как там Кнабе?

– Кнабе киснет и размножается, – говорит Рэн.

– Поддает?

– Да. Поддает.

– Зачем Инга четвертого родила?

– Понятия не имею. Кнабе уже на стенку от нее лезет.

– Инга ведь не работала никогда?

– Никогда, – кивает Рэн. – Курица полнейшая. Ответственности нуль.

– А это у всех так, – сообщаю я. – Ведь, блин, если государство берет на себя заботу о наших детях, какого хрена мы тогда нашим детям нужны. И родителям тоже. У них пенсия... социалка, все дела. Зачем им еще и мы?

– Нет на них Мэгги, – говорит Рэн.

– Точно. Леди навела бы здесь порядок. Все дела.

– Давай с тобой организуем консервативную партию, – говорит Рэн.

– Для партии нужно пять человек.

Я некоторое время считаю: я, де Грие, Манон, да еще в комнате Лина и Жанна – вряд ли они дрыхнут, скорее всего, смотрят телевизор.

– Кстати, нас как раз пятеро и есть, – сообщаю я. – Вполне.

– А кто четвертый и пятый? – интересуется Манон.

Мы с Рэном переглядываемся.

– Девочки, – поясняет Рэн. – Стаут дружит с двумя девочками сразу. Представляешь?

Между прочим, Рэну тоже всегда это нравилось – две девочки на одного мальчика. Но я, разумеется, молчу. И взгляда на Манон достаточно, чтобы понять: никакие оргии Рэну больше никогда не понадобятся. Никогда, точно.

– Эй, Лина, Жанна, идите сюда, дело есть, – зову я.

Сначала из комнаты выходит Лина – во всей своей красе. Значит так: юбка со стразами, местами мини, местами макси; черная шляпка с розой; ярко-зеленый топик с зеленым же мехом; и туфли на пятнадцатиметровых шпильках.

– Классный наряд! – с места делает комплимент Манон. – Где ты все это купила?

– Вот это, – оживает Лина и тычет пальчиком в бедро, – я сшила сама, а вот это – из Миу-Миу...

– Это моя любимая марка! – радуется Манон и показывает свои кожаные сабо.

Тут выходит Жанна, которую я подхватил в супермаркете.

– Ох, боже мой, сколько народу-то, – говорит она.

Рэн закуривает, опускает руку куда-то за окно, пепел летит во тьму; Манон сидит рядом с ним, положив голову ему на плечо. Лина дуэт мартины из бутылки.

– Значит, так, – говорю я строго. – Я пригласил вас не для того, чтобы нажираться. Мы тут с моим другом, будьте знакомы, Рэн де Грие, и с его девушкой Манон решили организовать партию. Серьезно.

– Оу! Политическую партию? Как называется? – интересуется Жанна.

– Партия R amp;B, – предлагает Манон.

– Отличное название, – одобряю я. – «Богатые и красивые». Ты ухватываешь самую суть дела, Манон. Мэгги одобрила бы.

– Суть дела в том, кто будет нашим лидером.

– Конечно, Манон, – говорит Рэн, любуясь на нее.

– О нет, – протестует Манон. – У меня совсем нет никаких политических взглядов. А ты хотя бы Сенеку читал. Я лучше буду вашим «лицом».

Жанна и Лина шепчутся в сторонке.

– Мы хотим быть лидерами, – заявляют они.

– У партии не бывает два лидера, – говорю.

– Ага, как спать, так вместе, – возражает Жанна.

– Ну, хорошо, а когда придет время выбирать канцлера?

– А когда придет время жениться на ком-нибудь, а, Стаут? – говорит Лина.

Манон и де Грие хохочут.

– Короче, вы не верите, что наша партия получит большинство голосов, – под общий хохот говорю я.

Вот почему мы никак не можем создать консервативную партию, даже партию R amp;B. В нас просто нет никакого консерватизма. А может, этот консерватизм – чисто английское изобретение. Вот Рэн, наверное, консерватор, потому и приехал ко мне не с двумя девчонками, а с одной. Девчонка Рэна выбирает лидером партии Рэна, а мои – себя. Очень показательно.

– Ладно-ладно, – говорит Рэн, – лидера надо избрать.

– Только не большинством голосов, – протестует Манон. – Это ваще не то!

– Ты абсолютно права, Манон, – говорит Рэн ласково и заправляет прядь волос ей за ушко. – Большинство – это ваще не то. Что же взамен?

– Можно я буду председатель избирательной комиссии? – говорит Манон.

– Мы согласны! – говорят Лина и Жанна.

Манон лезет в сумочку и вынимает оттуда мелок в бумажной обертке.

– Мелок? – говорит Жанна. – А зачем?

– Каждый свешивается из окна и проводит черту мелком как можно ниже под карнизом. У кого черта будет ниже...

– У кого руки длиннее, тот и лидер, – хохочет Лина. – Мне это нравится! Я всех уделаю в эту игру. Давай мелок.

– А ты, Манон, оказывается, жуткий провокатор, – говорю я. – Это просто жуть, до чего Лина любит отовсюду свешиваться. Мы были вместе на Мариенбрюгге, так она умудрилась повисеть на руках на этом мостике.

– А когда он схватил меня за запястья, я отпустилась, – деловито добавляет Лина. – Это я сделала в знак протеста.

– Вот-вот. Нас чуть не забрали.

Лина открывает окно. Ноги ее не очень слушаются.

– Только не урони мелок, – советует Манон.

– Вся жизнь/Глядеть/в провал,/пока/в аорте кровь/дика! – декламирует Лина по ту сторону стены. – Вся жизнь – антрэ,/игра,/ показ... Дальше не помню.

– Дальше автор свалился в провал, – говорит Жанна. – Ну? Нарисовала?

– Там такой сахиб, – говорит Лина театральным и преувеличенно-пьяным голосом. – Загиб дома! Понимаешь? Непонятно, по чему рисовать. Сафитушшки какие-то... А-а, вот, кажется, нашла!

Лина чертит, раскачиваясь всем телом. Я поддергиваю ее назад, успеваю подумать о том, что она, возможно, просидела у меня на ступеньках несколько часов. А теперь вот напилась с горы. От этого у меня на душе становится немножко скверно.

Втаскиваем ее назад. Лина вся красная, волосы свалились ей на лицо, тушь, белила и помада начинают наползать друг на друга.

– Цирк, – говорит Жанна, прыскает, перегибается через подоконник и чиркает мелком по стенке с той стороны. – Ну, вот и пожалуйста, ну вот и ничего такого уж особенного, подумай!

Она выбирается обратно. Черт, мне, что ли, вроде как стыдно перед Рэном? Впрочем, они-то ничего такого: сидят и милуются. Осоловелыми от влюбленности глазами смотрят не друг на друга, а типа в пространство.

– Девчонки, – говорит Рэн ласково. – Вы – гордость нации.

– А то, – Жанна поджигает сигаретку.

Идиотская ситуация.

– Ладно, – говорю, – я – просто для порядку.

Рэн и девчонки втроем наваливаются на мои ноги, – вдвоем Стаута не удержать, – а я свешиваюсь на ту сторону. Там – темнотица. Перегибаюсь. Они так низко чертили, особенно Лина. Будет неправильно, если я начерчу на полметра выше девчонок.

– Э-э, Стаут, осторожнее! – с тревогой кричит Рэн где-то далеко наверху, крепче хватаясь за мои джинсы. – Ты выскальзываешь!!

Не снисхожу до ответа; делаю последний рывок вниз, и в этом рывке провожу мелом черту где-то далеко-далеко внизу. Ну, теперь я точно выиграл. Рэн и девчонки втаскивают меня обратно, чуть не стащив джинсы.

Рэн лучезарно на меня глядит, торжественно берет мелок (Манон так и сидит на высоком табурете) и лезет в окошко, а я его держу. Он быстро возвращается.

– Ну, я не стал маньячить, – объявляет он, – я на лидерство не претендую.

Приношу фонарик. Светим в «провал», сгрудившись на подоконнике.

Славная картина.

Разного роста и разного темперамента – мы, все четверо, умудрились провести черту примерно на одном и том же уровне.

Черта Лины чуть загибается вниз, зато моя – на пару сантиметров ниже ее верхнего конца.

Жанна нарисовала какую-то параболу ветвями вверх, с вершиной на моей линии.

И – аккуратная отметочка Рэна далеко в стороне, но на той же высоте.

– Что делать будем? – говорю. – А, фрау председатель центризбиркома? Второй тур?

– Нет, – говорит Манон. – Давайте мелок.

– Манон, – говорит Рэн с тревогой. – Но у тебя ведь нет политических амбиций.

– У меня, – говорит Манон, – вообще нет никаких амбиций. Амбиции мне чужды. – И она лезет в провал.

Блин, и у меня совершенно нет ощущения, что это опасно. Манон лезет в провал вся, Рэн держит ее за лодыжки, а Манон шарит в провале обеими руками, как будто белье полощет. В отличие от нас, для Манон опасно не там, а здесь, среди нас. Ее настоящая жизнь – там, на той стороне. Рэн держит ее крепко-крепко.

– Итак, – подводит итоги Манон, возвратившись из пропасти (а я свечу фонариком и убеждаюсь, что ее черта проведена намного ниже всех наших), – лидером нашей консервативной партии R amp;B становится...

– Ма-нон! Ма-нон! – хором скандируют Лина и Жанна.

Манон улыбается.

– Становится Рэндл-Патрик де Грие, – возражает она. – Он лучше всех держал.

Если консерватизм и можно добыть в наших домашних условиях, то, конечно, только таким способом.

Когда они уходят утром, я останавливаю Рэна на пороге.

– Рэн, – спрашиваю я, – ответь, меня мучает один вопрос: что тебя подвигло на такую девчонку?

– Любовь, – говорит Рэн и улыбается, как идиот.

Американец.

Ричи Альбицци

Я решаю сделать себе подарок: написать эсэмэску Вике Рольф. Сажусь перед окном в белом свете дня, беру свой телефон и нажимаю на кнопочку «Ответить».

«Надеюсь, я о тебе больше ничего не услышу», – написала она два года назад.

Ответить.

Внизу газоны в желтых пятнах одуванчиков, на высоте моют окна, и солнце – во всех этих окнах, на все это небо. Машины стекают с моста в глубину городского острова.

Ненавижу жару. Лето предпочитаю пересидеть в кондиционированном офисе.

– Ричи, у меня для тебя хорошая новость, – говорит редактор нашего журнала. – Как ты относишься к Жану-Мари Бэрримору?

– Я считаю, что Жан-Мари Бэрримор – лучший креативный директор в Европе, а может быть, и во всем мире.

– Так вот. Жан-Мари Бэрримор прочел твою статью о его «Технологии рекламного взрыва» в нашем журнале, а потом отложил наш журнал и спросил у своих подчиненных: «А почему мы этому парню еще ничего не подарили?» Ты следишь за моей мыслью, Ричи?

– Я слежу за вашей мыслью.

Белый слепящий свет, жара и тишина, на экране – сообщение Вике Рольф, которое я не отправлю. Уже двести неотправленных сообщений Вике Рольф. Два года прошло, может быть, она сменила номер?

– Жан-Мари Бэрримор, – продолжает редактор, – подумал две минутки и распорядился: «Пусть этот парень поучаствует в нашей рекламной кампании Mercedes S-klasse и выиграет машину». Ты улавливаешь, Ричи, что я хочу сказать?

– О, я улавливаю, – говорю я. – Вы хотите сказать, что я должен поучаствовать в рекламной кампании Mercedes S-klasse.

– Нет-нет! – редактор отступает на шаг и мотает головой. – Нет, я всего лишь хочу сказать, что ты можешь, если захочешь, получить почти задаром Mercedes S-klasse. Да ты послушай, это же просто чудо.

Провода улыбаются со стен. Оглушительная тишь. Слышно только, как растрескивается мое сердце, да тикает часовой механизм на стене, да вянет жидкими прядями музыка в наушниках у секретаря, там, в приемной. Я корчусь.

– Ричи! – говорит редактор. – Это будет для тебя такой experience. Подумать только, ты пишешь о рекламе третий год, но до сих пор не поучаствовал ни в одной рекламной кампании. Ты на обложке – это сразу шесть-семь брендов кряду.

– О, – говорю, – это только если в верхней одежде и с пачкой йогурта в руках.

– Ха, ха. И ты же любишь рекламу как таковую.

– Да, – говорю, – я обожаю рекламу как таковую. Разумеется, хорошую рекламу.

– Жан-Мари Бэрримор, – говорит редактор таинственно, – сказал еще вот что: «Я слежу за этим парнем. За полтора года он ошибся в своих прогнозах всего пару раз». Ты понравился ему, понимаешь? Ты ему, сукин сын, понравился... Кстати, у тебя есть девушка на примете?

И тут я случайно нажимаю на кнопку «отправить». Сообщение для Вике Рольф выдувает в эфир. Страх сжимает мне горло.

– Есть, – говорю я.

* * *

Ты же знаешь, Вике, фондовые рынки со временем только растут. Вот так, гм, и любовь моя: она лишь растет и растет с годами. Вложив всего тысячу евро, через двадцать пять лет вы получите очень-очень много евро, – так круги расходятся по глади пруда. Никаких налогов. Только не продавайте. Держите.

Ты же знаешь, Вике, эту аналогию из мира финансов, ты же с легкостью можешь придумать, чем и как оправдать мою зависимость, которая иссушает меня даже в самые что ни на есть дождливые дни.

Ты же знаешь, Вике, почему теперь вокруг меня все зыбко слонится, почему все так забавно вертится, почему правое и левое меняются местами.

«А что же ты делал, – спросите вы, – чтоб справиться с самим собой?»

О, ну что ж, сначала я работал круглые сутки, но это не помогало мне забыть тебя.

Потом я ездил по свету, но ты вытатуирована на обратной стороне моих век, несмываемая, ты встаешь у меня перед глазами всякий раз, как я ложусь спать.

Потом я запил горькую, но много выпить не смог. Горько.

Тогда я попробовал вкалывать себе всякую дрянь в вены, но мое начальство не смогло допустить гибели столь ценного сотрудника. Четыре месяца успело разбухнуть до лун на моих глазах, когда я неподвижно лежал носом кверху, а в мозг мне было вставлено два электрода.

Они засунули мне в рот блестящую ложечку, посветили в глаза фонариком. Мое отражение почти не изменилось, особенно то, что в лужах.

Но чтобы я забыл тебя, Вике, мне надо было сделать фронтальную лоботомию, а лучше вообще удалить мозг.

Ты же знаешь, Вике, что я скорее умру еще девятьсот девяносто девять раз, чем забуду тебя.

Следующая станция – последняя, стоим долго, белый слепящий свет, женщины сжимают колени. Осторожно, двери закрываются. Но они не закрываются. Стоим. Тишина.

Поезд набирает ход, в тоннель, разгоняемся, мили и мили, миллимили топота по тоннелю, медленнее, медленнее, и под жуткий скрежет мы останавливаемся.

Стоим. Стоим. Свет начинает гаснуть. Стоим под толщей земли.

Наконец, скрипя и вздыхая, поезд трогается в путь.

Вылетаем на станцию, залитую неоном.

Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны.

А иногда мне кажется, что я уже никогда не стану прежним. Мне все не верится, все кажется, что кругом какая-то абберация, что где-то кроется подвох, что мир не отбрасывает тени, не отражается в зеркале, что какая-нибудь деталь со временем выдаст себя. Мое восприятие искажено. Заштриховано, зачернено по углам химическим карандашом. Стоит закрыть глаза – из углов лезут утомительные виньетки, разрастаются травы, кислотные кривые прочерчиваются сквозь мой мозг, крошат нейроны, в носу вечный запах гари.

* * *

– Ну вот, отлично! – радуется за меня редактор. – С ней и поедешь!

– А что надо будет делать?

– Пара с доходом выше среднего садится на любезно предоставленный «мерседес» S-класса и отправляется в четырехдневную поездку по городам Европы. Четыреста пар со всей

Европы. В Милане вас встречает Джорджио Армани, и Кристина Агилера поет свою песню «Hallo», специально сочиненную к этому случаю. Правда, здорово? Там будет вроде как конкурс, – говорит редактор, – но ты получишь «мерседес» в любом случае, вне конкурса, понимаешь?

Дан-дан-дан. Вам пришло сообщение.

Страх мгновенно заполняет мир, пузырится в голове, полнится, растекается, пульсирует, как будто кто-то впрыскивает мне в кровь тошнотворную заразу.

Застывшими, мокрыми, холодными пальцами я соскребаю со стола мобильник и смотрю на экран.

– Ричи, что с тобой? Водички принести? Ричи! Эй! Ричи!

в серо-белом ярком небе, мерцающем, как экран компьютера, на воде барашки, солнце из-за тучи и из-за башни выходит с другой стороны
жаркое небо – самолеты белыми бороздами, раскошегаривается вечер над крышами, жжет, палит, мне страшно

во всю ширь шпарит закат, светом неверным и безумным, все безошибочно желтит своим текстовыделителем

я лежу на полу, потолок черный, окно нараспашку, в него лезет душливая жара, мне льют на лицо холодную воду и говорят что-то на незнакомом языке, что-то спрашивают у меня, что они говорят

* * *

Час спустя я уже внизу.

Бреду через вестибюль и выхожу на улицу.

Меня мутит, по периферии зрения плавает успокоительный зеленоватый туман. Все вокруг тяжелое, устойчивое, сам же я – легкий, меня почти не существует.

В руках у меня новый номер нашего журнала – белый, в розовую клейкую полосочку, теплый, он живет меня.

Я иду по набережной. Передвигаюсь медленно.

Солнце скрылось, машин убавилось, жара спала.

Прохожу мимо старого блошиного рынка. Старики торгуют ржавыми ключами и ржавыми замками. Рядом в стороне грустные парочки в зеленоватом тумане пьют яблочный сидр; река спокойная-спокойная.

Гляжу на мутные окна заводов, слышу, как шумят старые пыльные тополя.

Поворачиваю налево, прохожу через гулкую, увешанную проводами подворотню. Подворотня ведет не во двор, а на жаркую, пыльную, кривую улочку между двух глухих заборов. Сухие перекрученные тополя осыпают пухом разломанный асфальт. При звуках отверзаемых ржавых ворот с колючей проволокой наверху у меня еле заметно екает сердце.

Там, за воротами тянутся беспредельные квадратные километры заброшенных цехов с мутными черными стеклами, недостроенных бетонных бараков, куч ржавого металлолома, зарослей крапивы и лопухов, припудренных пылью. Сразу за проходной, на самом краю этих джунглей из битого стекла и бетонной крошки, стоит бетонная коробка, в которой первые пять рядов окон такие же мутные и черные, а верхний ряд белеет стеклопакетами. По стенам висят гроздь проводов, намотанных на гнутые железки, площадка перед зданием утоптана, как деревенская улица в разгаре июля, посреди двора валяется колесо.

Я улыбаюсь Вике издали, да еще и помахиваю медленно ладонью, как старый приятель.

* * *

Вике смуглой рукой смахивает с резного деревянного столика тополиный пух. Зола дышит, дым шелестит и гудит, крутя обрывки света. Скулы Вике горят отблесками этого огня. Сияющие крутые скулы. Стрелы бровей.

– Здорово, что ты прислал сообщение.

– Честно говоря, это получилось случайно.

– Ты хотел послать его кому-то другому?

В моих глазах, наверное, жалобный, детский упрек. Вике смеется и вздыхает. Хмурится.

– Прости, на работе неприятности.

– Что-то серьезное?

– Не только у меня, – говорит Вике. – Нам прислали повестки.

Она пьет кофе.

– Понятно, что ничего страшного. Просто неприятно.

Заместитель начальника отдела финансовой архитектуры...

Когда-то давно, еще на той, светлой стороне луны, я подарил ей альбом Гауди.

Темный маленький рот, брекеты на зубах, излом линии на лбу, размах рукавов, тени у глаз.

– А я... – начинаю я, но не решаюсь.

Замолкаю.

Тереблю сигарету. Выбрались закат встречать вместе.

Сухой тополь поодаль, макушкой в облаках, листья в пыли, не колышется даже макушкой.

Мимо пробегает хромая собака.

У меня начинает болеть сердце. Я отхлебываю кофе, мыльную ореховую горечь.

– Вике, – говорю я, одновременно видя себя со стороны. – Я хотел пригласить тебя поучаствовать вместе со мной в рекламной акции Mercedes S-class. Поехали?

Вике наклоняет голову и на несколько секунд становится похожа на молодую галку или ворону: круглые глаза, иссиня-черное крыло челки. Она смотрит на меня. Ох, как она смотрит. И я смотрю на нее, снизу, от стола. Собака снизу. Я – собака снизу.

– А сколько она продлится? – спрашивает Вике.

– Четыре дня. Включая выходные.

– Мой босс уехал позавчера. Представляешь, уехал, и никто не знает, где он. Сбежал с молоденькой стажеркой.

Пауза. Вике рассеянно берет ложку со столика.

– Никто не понимает, что происходит.

Как она пылает, бог мой, как она пылает, и постукивает ложкой по брекетам, звяк-звяк – тик-так часы у нее на запястье. Я беру салфетку, белую, пытаюсь поджечь ее зажигалкой.

– Я, честно говоря, очень не хочу отвечать на какие бы то ни было вопросы без него, – говорит Вике. – Я просто не знаю, что мне говорить. Вот так уехал... не предупредив, ничего...

Тополиный пух и пыль лежат по углам двора.

– Поехали, – рассеянно говорит Вике. – Прокатимся. Может быть, мы встретились снова только для того, чтобы Бэрримор мог нормально прорекламировать Mercedes S-klasse.

Я прошу еще одну большую чашку горячего, обжигающего кофе и рюмку коньяку, в то время как Вике пылает, сидя боком напротив меня, и волосы ее горят отблесками огня, как неопалимый куст, и искры слетают с концов прямых черных прядей. Вдох... Она едет со мной. Она едет со мной, со мной, со мной! Не умереть бы от счастья прямо здесь.

– Ты не совсем понимаешь, – говорит Вике и замолкает.

Вдали, в небе, начинается странный гул.

– Мне нужно родить. Врач сказал, надо родить, – говорит Вике. – Я не хочу с тобой... жить и все такое. Просто... мне надо родить, и все. Я хочу ребенка.

– Я очень устала, – говорит Вике. – Каждое утро краситься, причесываться, одеваться, наливать в машину бензин. Здраваться, общаться, разруливать. Есть, пить, засыпать.

Гул нарастает. Из-за крыш вылетает вертолет. Полицейская машина, синие мигалки. Грохот во дворах.

– Все иссякло, – говорит Вике. – А что конкретно? Что такое случилось? Я не знаю. Желаний нет, тоски нет. Ничего нет. Понимаешь? Остался один голый штыр.

Почти не темнеет, только ветер совсем сходит на нет.

– Мне так все надоело, – шепотом говорит Вике.

Мне вдруг становится невыносимо грустно, и я начинаю плакать, беззвучно, мелкими, кислыми, прозрачными, невкусными слезами.

– Рекламная акция на «мерседесе» с земляничной жопой, – говорит Вике шепотом. – Я усядусь за руль и грохну его. Кокну «Мерседес» от Жана-Мари Бэрримора, кто бы он ни был.

* * *

Солнечно и холодно, жарко и зябко, свежий жар. По обочинам смолистые мокрые сосны и солнце, ветряные мельницы с плечами, колодцы с черно-голубым кружком холодного неба вверху-внизу. Мы мчимся по бетонной дуге, я пролетаю мимо поворотов, мимо линии горизонта, мимо захватывающих кадров, учтивых проборов, мимо бензоколонок, мимо автобусов, мимо других машин, – все остаются сзади, и только Вике сидит рядом со мной, покачиваясь, – и на душе у меня становится хорошо. У нас парад. У нас порядок. Мы – главные герои, мы отменно играем, – я вижу нас со стороны, Ричи Альбицци и Вике, на жарком закате. Положа на руль руки, я неумоимо думаю о нас. Дорога подобна дуге, кривизна ее неуловима, несколько градусов, подобна луке, прочерченной циркулем, ножка которого стояла где-то далеко слева, в гуще лесов. Сверкание и сияние: хромированные ручки, зеркала, солнце где-то за правым плечом, брошка у Вике на груди, сверкающе-черные машины, – мы всех оставляем позади, – пролетая стрелой, все в радугах стекло, – и, как кружочки лука, стрелы дождя в лужах, и с бровей на лобовое стекает, простынь в небе и просинь, спросонья, с любовью с бодростью борясь, я себе задаю вопросы, следя за дорогой, а чувство нереальности происходящего все нарастает и усиливается, и вокруг, как в комиксах, высвечиваются стрелочки и пунктиры, буквы сквозь надышанный радужный туман, сквозь капли, сквозь просинь белых небес, прозелень белены, белых столбов, стеклянных павильонов, завес.

Пьем пятичасовой чай на бензоколонке. Хрустальный фортепианный звон из динамиков. Все мои дела, на которых мне раньше приходилось сосредотачиваться, концентрироваться, теперь расплзлись по периферии и маленькими цветными шариками – бопс! – бопс! – лопаются сами.

– Я рекламная девушка, – шутит Вике. – Ты взял меня с собой только для того, чтобы не ехать одному. На самом деле меня здесь нет. Нашу встречу устроил Бэрримор, я в этом убеждена.

– О, да, – говорю. – И подумать только, какой приз ждет тебя по истечении срока.

Мы уже видели нескольких наших сотоварищей. В Л. хорошенькая девчонка давала журналистам интервью:

– Может быть, кто-нибудь из женщин не любит машины, но это не я! Наоборот, я могу говорить о них часами! Я считаю, что автомобиль может быть настоящим произведением искусства! Mercedes S-klasse – это мой стиль!

– Чудовишно, – комментирует Вике.

– Почему? – возражаю я. – Чего плохого в том, что мы «поддаемся»? Чего плохого в том, что мы – объекты, что нас «имеют», что «наши мозги обрабатывают», если мы сами выбираем, кому отдаться? Чего плохого в том, чтобы любить вещи? Чем старинная ваза хуже новенького Mercedes S-klasse? Может быть, стоит попробовать по-настоящему полюбить хотя бы машину, хотя бы сорт пива?

– Такие вещи нельзя полюбить по-настоящему. И сами мы – ненастоящие. Все это невзавраду, – она тычет пальцем в белый столик, и взгляд ее пропадает за горизонтом. – Я им вообще ни в чем не верю, – говорит Вике, поедая невесомый круассан, кутаясь в платок (жар, озноб, пятна солнечной лихорадки и капли неверного дождя из несуществующей тучи).

Я заранее узнал об этой рекламной акции все. Оказывается, кампания целиком велась в интернете. Причем все было сделано очень хитро. Впрямую никто ничего не говорил, только подогревали и возбуждали любопытство целевой аудитории: клерков, офисных работников, которым хочется романтики и «умения жить». Тридцать процентов рабочего времени они (нет, не «они», а «мы») лазают по интернету, по всяким дурацким сайтам. Вот там все это и развернулось.

Мы снова выезжаем на шоссе.

– Ого, – говорю, – этот тип создает на дороге аварийную обстановку.

– Подальше от него, подальше, – говорит Вике, взглядевшись. – Дураков на дороге много.

– Ты наивная моралистка. Жан-Мари Бэрримор нам не простит.

– Уступи ему.

По радио начинается песня «Hallo» Кристины Агилеры, написанная к нашему рекламному перформансу.

– Да ладно, – говорю. – Сейчас отстанут.

– Да пошел он! – кричит Вике. – Не смей устраивать гонки! Что за нездоровый азарт!

– Послушай, машину веду я, – я свирепею, внутри меня возгоняется чистое безумие.

– Идиот! На метро ездить боится, а на машине – нет! Хватит!

– В метро веду не я! – кричу я. – В метро от меня ничего не зависит! Не мешай мне, слышишь!...

Вике вцепившись в сиденье, стискивает зубы, она молится про себя, она синееет, молча криком кричит, а я вдавливаю педаль газа в пол, я наяриваю, но тот, другой, не отстает, – Audi TT, пафосный хмырь и девчонка рядом с ним в красном платке, пляшут во всех трех зеркалах, маячат, то отпустят, то припустят, но не отстают: двести, двести пять, двести десять, а у всех ингольштадтских машин такая хищная ухмылка на радиаторе, трясется и маячит, бандитская рожа, и те двое, плохо различимы, плохо, плохо.

Приклеились и на нервы действуют. Кабриолет, пафосный хмырь и девчонка рядом с ним. Да еще под песенку «Hallo», какого черта? Как ночью меня пугать, так это пожалуйста. А как до дела доходит, так растворимый кофе. Если нас и впрямь снимают, это будет лучший эпизод во всей картине. Жану-Мари Бэрримору это ужасно понравится. Короче, не пушу я их в левый ряд... эта девица в красном платке, и хмырь рядом с ней, бандитская рожа, ястреб Пентагона.

И я начинаю медленно, медленно прибавлять ходу.

Но они не отстают, честное слово, и это на ста восьмидесяти пяти. На двухстах. На двухстах десяти.

– Ричи, хватит! – кричит Вике.

Жму на газ; кусты резко срываются назад. Двести двадцать... тридцать. Красный платочек все ближе. Я выжимаю из своей машины все, что можно. Но хмырь разрастается у меня в зеркале, и, не удержавшись, бьет по гудку, Ии! Ии! Пропускай давай, не тормози! Ну!

Опасный поворот. К черту.

«Ауди» проносится мимо нас.

– Останови машину, – говорит Вике тихо, глядя вперед.

– Здесь нельзя останавливаться, это автобан, – говорю я.

– Останови машину.

Останавливаемся. Вике зло дергает за ручку двери и выходит.

Еду за ней долго, почти километр. «Мерседес», наверное, удивляется: то несутся сломя голову, то заставляют ползти.

Потом Вике садится обратно в машину.

Мы едем дальше.

Джек Нидердорфер

Коньяк согрелся, надпись «Пристегнуть ремни» погасла, и Мэк поворачивается ко мне и спрашивает:

- Как ты думаешь, у них и вправду никаких неприятностей?
- Да вроде нет, – говорю. – Пока нет.
- Знаешь, что меня настораживает? – спрашивает Мэк.
- Что?
- Что де Грие так и не появился ни вчера, ни сегодня.

Мистер де Грие – главный стервятник Харта. Помнит каждую цифру из твоего годового отчета. Ты сам уже забыл о ней, но она там, у него в голове. В прошлом октябре мне пришлось с ним провести два дня кряду. Мы переводили одно из наших подразделений из Мюнхена во Франкфурт. За двое суток этот де Грие съел два листика салата и два тоста. И выпил литров пять чистой воды без газа. Зловещий тип.

– А как Харт объяснил его отсутствие?

– Боже мой, да никак не объяснил, – Мэк вжимается в кресло. – Если бы вчера де Грие появился на собрании, я бы задал ему этот вопрос.

– Какой вопрос? «Скажите, герр де Грие, правда ли, что ваш отдел куда-то засунул целую кучу клиентских денег?» Не смейся меня, Мэк. В любом случае, они ведь всем все возместили. Мне кажется, что все это слухи. Или какой-то технический сбой.

– А мне кажется, – говорит Мэк, – что нам пора выходить.

– Скажи это завтра Джорджу.

– Скажу. Прямо с утра.

– Самоубийца, – я пожимаю плечами.

– Мы вообще зря в это ввязались, – гнет свое Мэк. – Ведь, в сущности, это противозаконно.

К Харту обращаются компании с проблемами. Харт рекламирует и размещает их бумаги. В результате – желающих купить облигации в первый день после эмиссии слишком много. Отбоя нет от желающих. И тогда Харт устраивает своего рода неформальный аукцион. Чтобы приобщиться к каждой новой эмиссии, надо так или иначе заплатить за право купить эти облигации. Эта «оплата» может происходить в разной форме. Например, совершить через Харта сделку с какими-нибудь другими облигациями по завышенным комиссионным, или – выкупить часть нового размещения на вторичных торгах, уже по более высокой цене.

В общем, Харт создает такой ажиотаж, что бумаги даже самых завалящих компаний взлетают в первый же день вчетверо. Ну, а на второй день все мы по негласной договоренности с Хартом начинаем сливать эти бумаги мелким инвесторам. Впариваем их в четыре раза дороже номинала. А аналитики Харта накручивают им лапшу на уши, обещая, что они будут расти вчетверо *каждый* день. Не знаю, как можно этому поверить. Если уж верить такому, гораздо выгоднее вовсе не знать, что такое облигации.

Сливать облигации по цене в четыре раза дороже номинала. За такое наши боссы готовы платить бесконечно. Разумеется, все это ужасно аморально – то, чем мы занимаемся. Но состава преступления тут нет. Нет и доказательств. Наши договоры – в чистом виде джентльменские соглашения.

– Я тебя умоляю, – возражаю я. – Во-первых, все, что делает Харт, абсолютно законно. Сговор очень трудно доказать. Ну, а то, что аналитический отдел Эрика присваивает рейтинги резаной бумаге, – тем более не преступление. Всякий аналитик имеет право на ошибку. Во-вторых, у нас с Эриком Хартконнером нет никаких договоров. Все чисто, Мэк.

– Нет, нет, такие вещи невозможно делать безнаказанно, – возражает Мэк. – Рано или поздно Хартконнера возьмут за жопу. Он занимается не финансами, а недобросовестной рекламой всякого дерьма. Долги Vivedii, ведь это же чистый мусор.

– Финансы это или реклама, Мэк, – возражаю я, – но мы на этом неплохо зарабатываем. И хватит об этом. Ты еще скажи, как Ричард Гир в «Красотке»: «Мы ничего не строим, ничего не создаем...»

– Мы ничего не строим, – соглашается Мэк. – Ничего не создаем.

– И слава богу. Мне даже страшно себе представить, что бы я построил. Ты видел мой дом? Моя жена мнит себя дизайнером.

Ее идеал – домик куклы Барби. Поэтому у меня в гараже розовые двери.

– А жена Харта кем себя мнит? – говорит Мэк.

– Эта, с зелеными волосами и в перьях? По-моему, она мнит себя писательницей.

– И что, тебе нравится то, что она пишет? – спрашивает Мэк как-то странно.

– Я не читал. Ты же знаешь, что я читаю только Сенеку и Цицерона.

– Все жены кем-нибудь себя мнят. Хотел бы я найти женщину, которая мнила бы себя исключительно моей женщиной и больше никем. Но... нашим женщинам недостаточно быть просто женщинами. Они хотят вдобавок быть еще и немножко мужчинами...

Внизу проплывают города и леса. Мы летим очень высоко, но все видно, потому что солнце и никаких туч, а небо вверху ярко-синее.

– Жаль, что «Конкорды» больше не летают, – говорю я.

– Моя жена говорит, что я не понимаю ее личность. Прикинь, Джек? Личность... А все потому, что я с ней сплю. Такой человек, конечно, не может ничего понимать. Понимающий – этот тот, с кем она может потрындеть языком... Повыпендриваться. Показать себя мужчиной. Сделать вид, что у нее внизу не дырка, а конец...

Мэк немного нервничает в самолетах. Это все потому, что когда он летел через Атлантику впервые, он попал в бурю. Чемоданы скакали по салону, стюардессы рыдали, сбившись в ком.

С тех пор Мэк боится летать. И в самолетах ведет себя малость неадекватно.

Впрочем, что с него взять. Вот они, издержки раннего развития. Мэк – вундеркинд, ему всего двадцать три, а он уже седьмой год работает. Причем работа довольно-таки нервная. Сначала журналистом, потом брокером. Неудивительно, что по жизни Мэк – чистый псих.

Когда мы летели в Европу, он выписал маркером на спинке сиденья впереди имена семи звезд мирового баскетбола. Теперь мы летим обратно, и он распространяется о своей жене, а я вынужден слушать.

– А я считаю, что женская мужественность придает отношениям изюминку, – говорю. – Бои в грязи. Женские драки. Военная форма. Наручники. По-моему, это может быть сексуально. При определенных обстоятельствах.

– Да, когда именно секс и имеется в виду, – Мэк кладет голову на ладонь и прислоняется к иллюминатору. – Но не когда это взаправду.

– По-твоему, Кэнди Райс не сексуальна? А Мэгги Тэтчер, когда была премьером?

– Сексуальность – это еще не все, – говорит Мэк. – Они хищницы. Только и думают что о своей выгоде. Все нераскрытые преступления совершены женщинами. Это уж точно.

– Да ты женоненавистник, Мэк.

– Точно, Джек. Я – женоненавистник, – подчеркивает он первую часть слова. – Но я слишком поздно это понял.

Надо заставить его замолчать, прежде чем он дойдет до сенсационных разоблачений.

– Знаешь, Джек, какую телку я бы хотел? – говорит Мэк как бы в забытьи.

– Ты уверен, что я хочу об этом знать?

– Я хотел бы очень... очень красивую девушку. Девушку, которая не считала бы мои деньги. Которая любила бы наряды и путешествия и не лезла в мужские дела. Я бы ей все прощал... даже измены... если бы только она делала все естественно, а не с тайным умыслом. Я хотел бы женщину, которая не снисходила бы до того, чтобы со мной соревноваться, понимаешь, Джек?

– Понимаю.

Сегодня этот парень трахает мне мозги. А завтра он явится на работу и не будет помнить, что сегодня мне наплел. А я буду помнить. И мне будет стыдно. Мне, а не ему. Ловко?

– Однажды я встретил такую девушку, – говорит Мэк.

Час от часу не легче.

– Мы вместе учились, и она была моя ровесница. Но не вундеркинд, как я. Просто ее отец был богатым человеком, из Восточной Европы. И он отправил ее учиться в Англию, срочно отправил, потому что оставлять ее на родине было опасно. Ей было всего пятнадцать, но ее взяли, потому что у нее были хорошие баллы... и потому что отец очень просил... Понимаешь?

– Понимаю.

– Ее звали... – говорит Мэк и морщит лоб.

– Можешь не говорить.

– Она нормально училась, не старалась быть первой. Изучала финансы, как и я. Красавица. С медовым блестящим лаком на длинных распущенных волосах, с коричневой помадой, с махровыми ресницами, ногами от шеи, – колготки с искрой, – и на высоких каблуках. С ума сойти. Она любила нравиться, улыбаться. Такая легкая, счастливая. Она носила очень дорогую одежду, и так естественно, почти небрежно... настоящая принцесса... А говорила мало, и почти ничем не интересовалась... Все воспринимали ее как какой-то экзотический цветок... как что-то милое, безумно милое, возвышенное, хрупкое... Приятелей у нее было – море... А я был ее единственным другом. Ты мне веришь?

– Верю.

– Однажды я уговорил Манон справить Рождество всем вместе, у нее дома. Дом ее отца, большой и пустой, стал полигоном для наших затей. Парочки уединялись на третьем этаже. Одна из ножек бильярдного стола треснула. Мы разбили большую вазу и несколько картин.

– Прекрасное воспоминание, – говорю я.

Манон. Ее звали Манон.

– Я учился хорошо, но не отлично. Дело в том, что я все время работал. Зарабатывал на обучение. И делал карьеру. И на лекциях я появлялся не так уж часто. Правда, экзамены сдавал всегда хорошо.

– В Гарварде, – говорю, – подобный стиль обучения с некоторых пор называют «сыграть в Нидердорфера». В мою честь.

– Правда? – улыбается Мэк. – Ну, надо же! А еще я полгода участвовал в благотворительной программе для студентов, по два часа в день принимая заявки от неимущих, нуждающихся и женщин, подвергнувшихся насилию в семье... и все женщины для меня были... я...

Бедняга Мэк. Ему, кажется, совсем хреново. Зрачки у него расплющились на весь глаз.

– Но это неважно. Это даже совсем неважно. Мы постоянно общались. Я все время говорил ей о своей любви. Но не словами, а иначе. Каждый раз, как я хотел сказать ей что-нибудь приятное, я пользовался какой-нибудь конкретной вещью для выражения своих чувств... Я все время дарил ей подарки. Она была очень богата, а я нет, но ничьим подаркам она так не радовалась, как моим...

Под нами начинаются облака: витые штопором башни, мягкие постели с просинью, обкусанные огрызки, бесконечные долины. Ветер медленно задувает солнце еще до того, как оно погрузится в черный холодный океан.

– А потом она пропала, – говорит Мэк и закрывает глаза.

– Послушай, Мэк, – говорю я. – Не обижайся, но я дам тебе маленький совет. Мой брат тоже боится летать. Так он просто берет, высыпает в рот горсть таблеток, и – ту-дууу! – храпит до самого Нью-Йорка. Почему бы тебе не действовать так же? Поверь, тебе будет гораздо легче.

– А потом она пропала, – говорит Мэк, – просто куда-то исчезла, когда мы закончили учебу. Я искал ее, но так и не нашел. Постепенно я стал думать о ней как о сказочной принцессе. Такое нежное и трепетное чувство. Не будем его как-то называть. Мне стало казаться, что она существует только в моем воображении. Что, если бы не моя любовь к ней, ее бы просто не существовало. Понимаешь?

– Понимаю, – говорю я. – Как не понять.

ГЛАВА 2

[Де Грие]

Автобан, по которому мы мчимся, ведет на юг. И, пока мы едем на юг, все идет хорошо. Манон не умеет искать по карте града и веси. Штурман из нее никудышный. А на автобане если не свернешь, то никогда не попадешь туда, куда тебе надо.

Едем на машине по трассе. У Манон в руках карта.

– Нам скоро надо будет сворачивать, – сообщает она. – Вот тут.

Резко торможу.

– Нет, нет, не тут! – требует Манон. – Дальше! Дальше.

– Дальше?

– Да.

Едем дальше. Манон смотрит назад.

– Кажется, нам надо было свернуть в тот раз.

– Манон, ты уверена?

– Я не уверена! Это карта, а это – объемное изображение. Я же не *сверху* лежу на этой местности, чтобы быть уверенной в том, где право, а где лево.

Манон не лежит сверху на Европе. Над Европой не нависла Манон.

– Де Грие, не надо злиться! Я ведь не обещала, что буду хорошим штурманом.

Начинаются плантации хмеля. Нас обгоняют байкеры в черных кожаных куртках. Красный платок Манон парит в воздушных потоках.

* * *

Мы паркуемся в центре N, под каштанами. В N жарко, но свежо, будто у нас поднялась температура. Жаркое платиновое небо сияет.

– Манон, что ты любишь? – спрашиваю я. – Хочешь, я отведу тебя в какой-нибудь бутик, и ты купишь там все, что захочешь?

– Хочу! – Манон расплывается в улыбке.

Вот они, бутики, целая улица – предложение, а у меня на карточке целая куча платежеспособного спроса. Полное зазеркалье нарядных Манон.

– Ну, давай зайдём сюда, – говорит Манон неуверенно.

На двери звенит красный китайский колокольчик. Делаем три шага внутрь. В наших зрачках отражается полный магазин одежды. Три продавщицы одновременно делают элегантно движение нам навстречу.

– Какую-нибудь юбочку бы, блузочку бы, – лепечет Манон беспомощно и опускает плечи. Я отступаю.

– Это надо покупать вместе с кожей, – щурится Манон в холодное зеркало.

Ее губы светятся в зеркале. Если бы у Манон были крылья, они бы не были белыми.

– Может, нам в другой бутик зайти? А то мне здесь ничего не нравится.

– Все как ты скажешь, солнце, – говорю я.

Продавщицы молча отступают на полшага. На их лицах вычерчивается легкое возмущение. Мы с Манон ретируемся задом. На улице переводим дух. Манон, не дав себе опомниться, взбегает по лесенке и ныряет в соседний бутик.

– Эй! – звонким голосом кричит она продавщицам. – Здравствуйте! Вы можете подобрать что-нибудь для меня?

Через три минуты Манон уже крутится перед зеркалом в новом наряде: бежевое, черное, кремовое, темное золото.

– Что скажешь? – спрашивает она меня.

– Прекрасно, – весело говорю я. – Примерь еще что-нибудь!

– Еще что-нибудь! – просит Манон.

Продавщицы наряжают Манон более необычно: оранжево-белая, пышно взбитая юбка, туфли на тонких каблуках, топик, газовый ярко-сиреневый шарфик.

– Вам безумно, *безумно* идет, – в восторге говорит одна из девушек.

Солнце заливает витрину. Я закрываю глаза рукой от ослепительного блеска, а когда открываю, Манон уже улыбается своей слегка асимметричной, иронической, хитровой, чуть стертой улыбкой.

– Мы вас, наверное, ужасно утомили, – говорит Манон.

– О нет, – возражают продавщицы живо. – Вы – счастливое исключение, вас мы будем помнить несколько лет. Здесь по полгода никто ничего не покупает. Восемьдесят процентов коллекций остаются невостребованными.

– Так в вашей одежде никто не ходит?

– Кому в ней ходить?

– Как же вы еще не разорились?

Девушки поднимают глаза к небу.

– Де Грие, ты лучший человек на земле, – говорит Манон. – Ты – просто гений, – заявляет она, прицепляя к маленькой шляпке белую розу. – Ты – чудо, – заключает она, повеселев, и притоптывает туфлями на пят-надцати-сантиметровых витых каблуках (металл и стекло).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.